В диссертационный совет 24.2.336.01,
созданный на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 7, стр. 22

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

(кандидата юридических наук, доцента Поварова Юрия Сергеевича)
на диссертацию Мурдалова Дени Руслановича
на тему «Опционные сделки с долями в уставном капитале и акциями хозяйственных обществ (правовые аспекты)»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата юридических наук
по научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки»

Сделки опционного типа (опцион на заключение договора, опосредующий «резервирование» одной стороной возможности заключить в будущем договор по своему усмотрению в упрощенном порядке, и опционный договор, базирующийся на модели отложенного требования исполнения по уже заключенному договору), конструкции которых получили зримое законодательное признание в ходе состоявшегося в 2015 году масштабного реформирования общей части обязательственного права, весьма привлекательны для «…применения участниками (акционерами) в целях привлечения инвестиций, планирования входа и выхода из совместных предприятий, перераспределения финансовых рисков … и решения иных коммерческих задач» (с. 3 диссертации). Данное обстоятельство (особенно в условиях высокой волатильности рынков) вкупе с разобщенностью и некоторой пробельностью соответствующей нормативно-правовой основы, в основном «замыкающейся» на сегодняшний день на предписания ст. 429.2 и 429.3 ГК РФ, а также неоднородность судебной практики в части их истолкования и, наконец, доктринальная полемичность целого ряда значимых аспектов использования опционных схем в обороте (относительно характера «взаимодействия» опциона на заключение договора и оферты, природы и допустимости перехода опционных прав и др.), в том числе в корпоративной сфере, наглядно сигнализируют об **актуальности** предпринятых Д.Р. Мурдаловым научных изысканий по поводу особенностей совершения опционных сделок с долями участия в хозяйственных обществах.

Очевидна и бесспорна **новизна** рецензируемого диссертационного труда, представляющего собой гармоничное соединение положений общего (структура и значение опционных конструкций, юридическая сущность опционных правомочий и пр.) и специального порядка (условия и порядок совершения сделок опционной направленности по поводу долей участия в акционерных компаниях

и обществах с ограниченной ответственностью и т.д.), позволяющих отразить специфику и функциональное предназначение конструкций опционов, связанных с передачей доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества (главным образом, непубличного); при этом автором выработан новый (достаточно нетривиальный) подход к определению правовой природы названных конструкций. Оригинальность работе, кроме того, придают аналитический обзор новейшей судебной практики, обращение автора к слабоизученным в литературе тематическим ракурсам («подготовительное» обязательство, уступка самостоятельных и несамостоятельных секундарных прав и пр.), рассмотрение многих проблем в межотраслевом измерении (в частности, «…через призму экономически целесообразных примеров применения опциона…» (с. 161)).

Сформулированные в диссертации по результатам всестороннего и вдумчивого изучения нормативных правовых актов (относящихся к общегражданскому и специальному корпоративному законодательству), многочисленных доктринальных источников (включая зарубежные), иллюстративной судебной практики (разъяснений высших судебных инстанций и конкретных казусов) научные положения, выводы и рекомендации являются **достоверными** и, по преимуществу, характеризуются **высокой степенью обоснованности**. Надежная «верификация» научных результатов на протяжении всей работы производится, наряду с прочим, посредством освещения «пролегоменных» либо смежных теоретических вопросов (к примеру, касательно эвристического потенциала понятия юридической конструкции (с. 64-66), природы и видового многообразия субъективных гражданских прав (с. 101-103), вариаций формы сделок (с. 137-138), систематики корпоративных прав (с. 147) и др.), благодаря выдвижению различных гипотез (по поводу трактовки опционного договора и т.д.) с моделированием положительных и отрицательных последствий их принятия, а также через «перманентное» критическое сопоставление отечественного и зарубежного регламентационного опыта.

Позитивной оценки достойно стройное (хорошо скоординированное) **структурирование материала**; это, без преувеличения, во многом позволило разобрать сложную и разноплановую проблематику темы в системном ключе (в частности, в русле традиционного методологического приема изложения «от общего – к частному»), в единстве анализа «переплетающихся» теоретических и прикладных аспектов, а равно в должном предметном охвате.

Раскрытие общих положений об опционах (***первая глава***) предваряется моделированием и скрупулезным изучением возможных теоретических конструкций опциона в договорном праве (с. 19 и далее). Верными при этом видятся базовые установки о том, что «…право выбрать … момент изменения право-

вого положения другого лица является экономическим благом…»[1] (с. 19), что в рамках опционного отношения «…лицу предоставляется право определить заранее определенные … последствия … для другой стороны», и это отношение носит многоуровневый характер (с. 19-20), что у различных конструкций, оформляющих подобного рода отношения, «…может быть одна общая модель» (с. 20).

В целях выявления первичной конструкции опциона (хотя это, конечно, нелегкая задача; единственный, пожалуй, сравнительно бесспорный тезис – суждение о развитии института опциона «…в связи с договором как первичным средством регулирования…» (с. 22)) диссертант обращается к английскому опыту, где модель опциона «…развивалась естественным путем» (с. 22)). Автор указывает на доминирование в британских судах и доктрине подхода, при котором конструкция опциона вбирает два компонента – оферту и соглашение об обязательстве не отзывать оферту в течение некоего времени (с. 25) (что гармонично для английского правопорядка, исходящего из принципа отзывности оферты (с 23)); между тем, присутствуют и иные интерпретации (одностороннее соглашение, условный договор, явление sui generis и пр.), которые также становятся предметом обстоятельного анализа в диссертации (см. с. 26-31).

Отталкиваясь от общих признаков опционного отношения и английской конструкции опциона, автор выводит «чисто обязательственный» опцион, условно называемый «опционом о подготовительном обязательстве» (с. 32); данная абстрактная договорная модель (несомненно, позволяющая более ясно «разглядеть» специфику легальных отечественных опционных конструкций) фундируется на том, что «…одна сторона обязуется воздерживаться от определенных действий и (или) готовиться к осуществлению определенных действий … в ожидании волеизъявления другой стороны…» (с. 38).

Исследование сущности и соотношения закрепленных в ГК РФ конструктов опциона на заключение договора (ст. 429.2) и опционного договора (ст. 429.3) здраво предваряется небольшим историческом экскурсом развития коммерческой практики, законодательства и научной мысли на сей счет. Автор, среди прочего, объявляет сделки с премией, получившие распространение в XIX веке в области биржевой торговли, прообразом опциона (с. 38-39); справедливо констатирует, что «…в советский период конструкции опционов частных … отношениях не могли существовать» (с. 39), что «…на начальном этапе (до 2000-х гг.) опционы были сформулированы через призму биржевых и фондовых инструментов» (с. 40), что во многом новеллы ГК РФ стали «…результатом заимствования из иностранных юрисдикций», пусть и с адаптацией к российской правовой традиции (с. 43).

---

[1] Правда, ремарка о *невыгодности* указанного момента *для другого лица* кажется не вполне точной (подобное положение вещей не является, как представляется, априорным).

Российскую легальную конструкцию опциона на заключение договора диссертант небеспричинно разлагает на два взаимосвязанных элемента (без любого из них «…конструкция является несовершенной»), когда «опцион … закрепляет само право заключить один или несколько договоров не только посредством оферты, но и с помощью соглашения» (ибо субстанциально «…оферта по опциону ничем не отличается от любой другой оферты») (с. 46). При этом автор подвергает «обструкции» концепт, при котором предоставление оферты квалифицируется в качестве исполнения стороной своих обязательств по соглашению о предоставлении опциона (и тогда «…обмен обязательства уплатить вознаграждение за обязательство предоставить оферту можно считать иной конструкцией») (с. 48), и настаивает на том, что подобное соглашение активирует в отношении оферты специальное регулирование ст. 429.2 ГК РФ (иными словами, вводит особый правовой режим действия оферты) (с. 52). Опционное право, «…существующее в рамках указанного режима, содержит в себе признаки охраняемого законом материально-правового интереса» (1-ое положение, выносимое на защиту), а это, в свою очередь, рельефно подтверждает рациональность презумптивной возмездности предоставления опциона как такового (см. п. 1 и 3 ст. 429.2 ГК РФ); соответственно, «ассиметричный» (односторонний) характер обязывания при опционе «уравновешивается», по умолчанию, встречным предоставлением.

Любопытными (хотя и полемичными) являются рассуждения касательно природы опционного договора. Достаточно детально проанализировав ключевые интерпретационные подходы на данный счет (договор об исполнении обязательства при условии востребования, смешанный договор с последовательным возникновением и исполнением обязательств и пр.), автор предлагает считать опционный договор соглашением, «…которое устанавливает специальный (временный) режим исполнения обязательства … в отношении обязательства, срок востребования которого определяется в рамках общего правового режима, установленного ст. 314 ГК РФ» (с. 58); в этой системе координат, в частности, «…прекращение опционного договора приводит только к окончанию специального режима исполнения обязательства, если иное не было согласовано сторонами…» (с. 59-60), а «…активом является управление моментом исполнения в рамках периода, который предусмотрен обязательством, и изменение которого … может составлять имущественную ценность…» (с. 62). Отстаиваемая автором трактовка, в самом деле, позволяет достаточно четко «…отграничить опционный договор от смежных юридических конструкций…» и, сверх того, «…обосновать природу опционной премии как платы за специальный … режим (модификацию) порядка исполнения обязательства по требованию» (2-е положение, выносимое на защиту).

«Вводную» (с точки зрения формулирования положений базового, общетеоретического толка) первую главу завершает аргументированный научный поиск релевантного категориального аппарата для описания опционных схем. Автор весьма подробно останавливается на вопросах толкования универсального термина «юридическая конструкция» (вполне применимого к опциону на заключение договора и опционному договору, если «…рассматривается их логико-языковая форма» (с. 66)), раскрывает достоинства и недостатки придания юридическим конструкциям отраслевого и институционального «обрамления» (действительно, нередко «…мультипликация производной терминологии оказывается спорной практикой, размывающей значение устоявшихся научных категорий…» (с. 64)), в том числе при идентификации публичного договора, опциона на заключение договора, опционного договора и т.п. в качестве «специальных договорных конструкций» (диссертант критикует оперирование данным термином, так как, в частности, «…к специальным договорным конструкциям можно отнести любую комбинацию конструкций договора…» (с. 74)). В итоге предпочтительным для автора (в том числе с позиции преодоления методологической проблемы смешения уровней анализа) оказывается употребление – вместо понятия специальной договорной конструкции (но без отрицания возможности рассмотрения явления как конструкции! (см. с. 74, а также 3-е положение, выносимое на защиту)) – термина «специальный правовой режим», приуроченного к случаям изменения типового правового режима и подразумевающего «…внешне надстраиваемое регулирование, которое модифицирует действие одного или нескольких … элементов в силу закона, но не разрушает конструкцию в целом» (с. 77).

Исследование правового режима опционных схем (***вторая глава***) разумно начинается с анализа существенных условий опциона на заключение договора и опционного договора (в том числе в сравнительно-правовом ключе). В «оптике» признания их многосоставными (двухэлементными) конструкциями (и эта убедительная установка проходит рефреном сквозь всю работу) автор обособляет условия, относящиеся к оферте и собственно соглашению о предоставлении опциона (применительно к опциону на заключение договора), к обязательству (сходному с офертой по своей функциональной роли в конструкции – с. 94) и непосредственно опционному договору (когда речь идет об опционном договоре) (в 3-ем положении, выносимом на защиту, данный плодотворный подход экстраполирован на случаи возмездного и безвозмездного отчуждения доли в уставном капитале (акций)).

Стоит всецело поддержать тезисы о том, что «…оферта, совершенная вне согласованных условий соглашения, не приводит к общей конструкции, а оставляет такое предложение в контексте ст. 435 ГК РФ» (с. 81) (это полностью согласуется с рациональной трактовкой разбираемой оферты как «вспомога-

тельного элемента конструкции» (с. 82); правда, редакционное воплощение процитированного вывода кажется небезупречным), что термины «безотзывная оферта» в ст. 429.2 ГК РФ и «безотзывность оферты» в ст. 436 ГК РФ имеют смысловую идентичность (они, как верно замечает диссертант, «…описывают одинаковую характеристику, связанную с тем, что оферту нельзя отозвать» (с. 82)), что условие о сроке, в течение которого оферта не может быть отозвана, подлежит закреплению, прежде всего, в соглашении о предоставлении опциона (с. 84-85), что соглашению о предоставлении опциона присуща организационная природа, не исключающая наличие имущественного компонента (с. 87-88). Внимания заслуживает авторский подход к определению предмета данного соглашения как установления «…специального режима в отношении действия оферты и права заключить договор в пользу держателя опциона в обмен на встречное предоставление…» (с. 91).

Применительно к опционному договору плодотворными, помимо прочего, видятся заключения о том, что данный договор не «…во всех случаях является основанием возникновения … обязательства» (с. 93), что он «…воздействует на обязательство (но не изменяет ни его структуру, ни условия исполнения)…», модифицируя текущий порядок исполнения (с. 95), что «проблема вечной связанности не возникает в опционном договоре…» (ведь корневое значение имеет срок исполнения обязательства), и, как следствие, «…применение универсального срока, предусмотренного п. 2 ст. 429.2 ГК РФ, по аналогии закона нецелесообразно…» (с. 98).

Полновесным и продуктивным считаем анализ сущности прав опционной направленности (которые, в самом деле, уместно рассматривать с опорой на категорию субъективного гражданского права), в том числе в сцепке с вопросом о (не)допустимости их уступки (с. 100 и далее). Автор резонно выдвигает гипотезу о зависимости природы обсуждаемых субъективных относительных прав «…от используемой конструкции опциона и ее наполнения» (английская модель опциона, опцион о подготовительном обязательстве и т.д.) и последовательно ее доказывает (согласимся, что «…право в опционе, существуя в рамках сложносоставного отношения, может формировать свою уникальную природу» (с. 114)). В частности, в приложении к английской «версии» (когда конструкция опциона обнимает оферту и соглашение, обеспечивающее ее безотзывность соответствующим обязательством) компетентно показывается, что «…право на акцепт и право требовать соблюдения обязанности не отзывать оферту формируют … неразрывную связь равнозначных прав», в свете чего держателю опциона принадлежит смешанное право (с признаками права требования и секундарного права) (с. 107).

Касаемо закрепленных в отечественном законодательстве опционных конструкций Д.Р. Мурдалов мотивированно не соглашается с нивелированием се-

кундарности прав по опционному договору (с. 109) (уверены, что отсутствие стройной «…концепции секундарных (преобразовательных) прав в российской доктрине…», небезосновательно фиксируемое автором (с. 102), не является помехой для такого вывода), верно подмечает принципиальную особенность оферты в опционе в сравнении с «шаблонной» офертой (возможность уступки) (с. 110), небеспричинно манифестирует легитимность уступки прав по опционному договору по правилам гл. 24 ГК РФ (поскольку «правовой режим опционного договора не может быть разделен с правом требования по основному обязательству при его передаче» (с. 112)), обоснованно фиксирует экстраординарность опционных конструкций, предполагающих «…автоматический запуск основного исполнения…», из-за лишения их «активного преобразовательного признака» (с. 113).

В итоге диссертант включает «…права, предоставляемые в рамках опционов, в самостоятельную категорию субъективных относительных прав sui generis...» смешанной природы в силу соединения свойств «…прав требования и секундарных … прав в рамках единой конструкции» (с. 114; также см. 4-ое положение, выносимое на защиту); правда, номинирование их в качестве «опционных прав», нацеливающее на частный, ситуативный характер автономизации, *в общей систематике* субъективных гражданских прав (права требования, преобразовательные права и пр.) представляется не совсем гармоничным.

Грамотным и системным (в том числе в плоскости корреспонденции авторским заключениям по поводу сущности опционных конструкций) оказалось изучение проблематики действия опциона и опционного договора (с. 114 и далее). Корневая установка, определяющая темпоральные границы действия опционных конструкций, справедливо сводится к тому, что «начало действия и прекращение специального (временного) договорного режима связаны с согласованным действием … [всех] элементов в едином временном промежутке» (с. 114), а потому для опциона «…момент начала действия связан с заключением соглашения о предоставлении опциона … или с совершением оферты … в зависимости от того, какой юридический факт наступил позднее», для опционного же договора «…начало действия определяется моментом заключения опционного договора (как соглашения) или возникновения обязательства…, в зависимости от того, что наступило позднее» (с. 120); тем самым, режимы, объявляемыми автором диспозитивными (что коррелирует с принципом свободы договора), учитывают т.н. «принцип комплектности» (см. 5-ое положение, выносимое на защиту) и оказываются довольно сходными.

Полноту раскрытия затронутой тематики обеспечивает исследование отдельных оснований прекращения опционных конструкций (реализация акцепта, «невостребование» опционного права или отказ от оферты, соглашение сторон и т.д.). Солидаризируемся с тем, что «…прекращение одного элемента опциона

не во всех случаях прекращает другой, но прекращение любого из элементов прекращает специальный … режим (оферты, обязательства)» (с. 120) (данная мысль явно симфонична заключению о сложносоставном характере опционной конструкции), что «…при отказе от оферты каким-либо способом ее действие в рамках опциона прекращается» (с. 123). Повышенное внимание оправданно уделяется вопросу о (не)правомерности перехода прав по опциону правопреемникам, на который диссертант дает ответ с учетом принципиальной оборотоспособности несамостоятельных секундарных прав и, напротив, невозможности – без прямого законодательного санкционирования – «трансферта» самостоятельных секундарных прав (см. с. 124-128); при этом автор склоняется в пользу «…дополнения п. 7 ст. 429.2 ГК РФ положениями о переходе прав по опциону в порядке универсального правопреемства» (см. с. 15, 128).

Особую «популярность» сделки опционной направленности (при том, что они, конечно, «…являются универсальными конструкциями» (с. 129)) приобрели в области корпоративных отношений, что легко объясняет объемность и скрупулезность изучения правовых аспектов использования опционных схем при отчуждении и временной передаче долей в уставном капитале (акций) хозяйственных обществ (***третья глава***).

Прежде всего, автор обозначает и описывает ключевые направления влияния специального правового режима совершения сделок с долями участия (главным образом, процедурного толка) на опционные сделки. Речь идет о необходимости, во-первых, соблюдения различного рода рестрикций (разрешительный порядок совершения сделок и пр.) по поводу перехода долей участия, устанавливаемых в интересах третьих лиц, включая других участников корпорации, и в публичных интересах (с. 134-136), и, во-вторых, учета формы «основного» договора при определении способа выражения воли участниками опционной сделки, которая, как мы помним, является многосоставной (с. 137 и далее), вследствие чего требование к форме «…распространяется как на каждый элемент конструкции…, так и на опцион на заключение договора в целом» (6-ое положение, выносимое на защиту). Рациональными и взвешенными здесь, в частности, видятся заявления о том, что специальная форма «основного» договора должна восприниматься в качестве «…минимально допустимой для конструкции опциона на заключение договора и опционного договора» (с. 146; правда, ход рассуждений диссертанта на этот счет эксплицитно не нацеливает на вывод о действии принципа следования) и что законодательное требование об оформлении «основного» договора единым документом существенно затрудняет обращение к опционной схеме без введения законодателем особых оговорок по образцу абз. 4 п. 11 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ведь «…в обычной ситуации, - по точной

ремарке диссертанта, - реализация опционного права приводит к автоматическому заключению договора» (с. 145)).

В поле зрения автора не мог не попасть также аспект воздействия отдельных корпоративных прав на совершение опционных сделок (см. с. 147 и далее), причем, что важно, с учетом диспозитивности правовой регламентаций многих вопросов фунциклирования непубличных хозяйственных обществ и необходимости обеспечения баланса интересов различных «акторов». «Ударение» здесь осознанно делается на анализе двух правомочий – преимущественного права покупки доли участия и права на изъявление (не)согласия на переход доли участия (реализация обоих прав, естественно, способна весомо препятствовать совершению и (или) исполнению опционных сделок). Отрадно, что в работе поднимаются наиболее острые вопросы, сопряженные с осуществлением данных прав участников (акционеров): касательно определения момента соблюдения необходимых корпоративных процедур, поскольку в опционных сделках наблюдается временной разрыв «…между совершением опционной сделки и реализацией держателем опциона права на акцепт или права заявить требование» (с. 152) (по мнению автора, «…наиболее демократичный способ, учитывающий интересы сторон сделки и участников…, - это реализация преимущественного права до совершения опционной сделки…», кроме того, автор справедливо не отвергает дачу т.н. абстрактного предварительного отказа от преимущественного права (см. с. 154-155)); относительно (не)уместности экстраполяции режима преимущественного права либо согласования на новых участников (диссертант «осторожно» предлагает некоторые способы решения проблемы, например, через установление обязанности общества по ведению соответствующего реестра сделок (с. 159), и в целом небезосновательно декларирует, что «…новые участники … должны иметь преимущественное право покупки…, а также право предоставить согласие на переход доли…», хотя и с возложением на них обязанности компенсировать убытки держателю опциона (с. 160); однако, приемлемость контекстного постулирования подобной обязанности нам кажется несколько сомнительной, о чем мы еще будем говорить); по поводу последствий корректировки уставных положений для уже совершенной опционной сделки и пр.

Завершается диссертационное сочинение обзором основных способов (форм, направлений) использования опционных конструкций (в соединении с выявлением их во многом «переплетающихся» функций) при конструировании сделок, влекущих передачу прав на доли участия (с. 160 и далее). Разносторонность такого применения, по справедливой мысли автора, проявляется в многообразии типов (видов) договоров, в которые «вкрапляются» опционные элементы, в возможности предоставления «разновекторных» секундарных прав (по принципу опционов «пут» и «колл»), в плюрализме функций опционных сделок

с долями участия (данные функции диссертант, вслед за К.В. Севеевой, градирует на стимулирующую, дисциплинирующую и регулирующую (см. с. 161)).

Демонстрируя эрудицию, Д.Р. Мурдалов приводит экономически целесообразные примеры применения опционных конструкций в отдельных договорах, а именно: купли-продажи (в целях обеспечения исполнения обязательств, преодоления корпоративных конфликтов, обеспечения выхода участника из компании, поощрения осуществления действий во благо корпорации и т.д.), мены (тем более, что здесь формально «…опционная сделка … не требует реализации преимущественного права» (с. 167)[2]), дарения (в частности, при формировании отношений семейного предпринимательства (с. 170)), доверительного управления (для управления рисками и пр.). Применительно к купле-продаже речь идет о выполнении опционными конструкциями всех трех функций, тогда как для иных названных выше договоров «опционная сделка … преимущественно выполняет регулирующие функции» (с. 174; также см. 7-ое положение, выносимое на защиту); впрочем, «жесткое» и эксплицитное размежевание контента стимулирующей, дисциплинирующей и регулирующей функций, думается, все-таки затруднительно.

«Инспектируемая» работа (как и практически любой крупный научный труд, в котором исследуется актуальная и многогранная проблематика) не лишена **дискуссионных моментов и недостатков**. Полагаем уместным сделать акцент на следующих положениях.

1. Последовательно отстаивая идею сложности («многозвенности») юридических конструкций опциона на заключение договора и опционного договора (против чего у нас не возникает принципиальных возражений), диссертант несколько противоречиво формулирует правовые эффекты отсутствия либо порочности их необходимых элементов (положений, условий). В частности:

а) логически слабо согласуется между собой тезисы (по крайней мере, при их буквальном прочтении) о том, что «…конструкция опциона *порождает* правовые последствия с того момента, когда *присутствуют* все ее элементы…», и (одновременно!) что «*отсутствие* любого из элементов влечет *прекращение действия* … конструкции опциона» (см. 5-ое положение, выносимое на защиту);

б) суждение о том, что «без любой из составляющих конструкция является *несовершенной* (по аналогии с незаключенным договором)» (с. 46), не в полной мере корреспондирует заявлениям о влиянии соблюдения тех или иных условий на *действительность* конструкции (так, на с. 82 указывается, что «...оферта является вспомогательным элементом конструкции, *действитель-*

---

[2] Сказанное, по словам авторам, «…объясняется *безвозмездным* характером отношений при мене» (с. 167); однако, данное утверждение явно ошибочно (мена – классический случай *возмездной* сделки).

ность которой поставлена в зависимость от совершения оферты на согласованных условиях»)[3].

Наконец, не до конца проясненным остается момент содержательного наполнения и соотношения понятий «элементы», «положения» и «условия» конструкции опциона (при том, что опционы, в версии автора, «…являются многосоставными конструкциями, требующими для своего выражения соблюдения существенных *условий* в форме легально совершенных *элементов*» (с. 99)).

2. Условие о сроке действия опциона на заключение договора и опционного договора относится автором к разряду существенных (ибо «…без него сложно установить намерение сторон о введении именно режима действия в отношении определенного элемента конструкции договора», и «…в обеих конструкциях «ударение» сделано не столько на секундарном … праве, сколько на периоде его действия…»), с учетом чего, помимо прочего, норма п. 2 ст. 429.2 ГК РФ об «универсальном» – годичном – сроке для акцепта безотзывной оферты оценивается как избыточная (см. с. 14, 98-99 диссертации). Подобное постулирование не кажется нам вполне убедительным, принимая, в частности, во внимание:

а) спорность «принижения» сущностного аспекта (наделение лица секундарным правом) в сравнении с темпоральными параметрами этой «привилегии»;

б) ординарность (типичность) определения законодателем (как правило, диспозитивным образом) сроков существования или исполнения обязательств, в том числе при нормировании смежной конструкции предварительного договора (см. п. 4 ст. 429 ГК РФ).

3. Исследуя сложную проблематику асимметрии корпоративных прав новых участников непубличного хозяйственного общества, с одной стороны, и прав и законных интересов держателя опциона, с другой стороны, автор склонился к выводу о том, что названные участники «…должны иметь преимущественное право покупки доли (акций), а также право предоставить согласие на переход доли (акций) [разумеется, если иное не вытекает из уставных предписаний]», но при этом они «…должны компенсировать убытки держателю опциона» (с. 160). Не опровергая в целом сбалансированный характер подобного решения вопроса, укажем на некоторую «недосказанность»:

а) в части наличия либо отсутствия потребности в законодательном нормировании рекомендованной схематики (в работе автор огранивается предло-

[3] Делая данное замечание, мы исходим из нетождественности понятий «несовершенной (незаключенной)» и «недействительной» сделки, а равно отсутствия между ними связей субординационного порядка.

жением о внесении законодательных изменений касательно ведения обществом соответствующего реестра сделок – см. с. 15-16);

б) по поводу правовой природы и условий применения права держателя опциона на компенсацию убытков.

4. На взгляд автора, «…"*штрафные*" *опционы* должны быть ограничены в использовании, поскольку *противоречат логике опционных сделок*…» (с. 166). Между тем:

а) направления (условия и пр.) такого ограничения в диссертации, к сожалению, не раскрываются;

б) процитированный тезис не совсем созвучен признанию за опционами дисциплинирующей функции (7-е положение, выносимое на защиту), при том, что она, по словам диссертанта, «…подразумевает, что опционы могут иметь своей целью *наказание* участника…» (с. 166).

Особо подчеркнем, что приведенные выше критические суждения отнюдь не опровергают общего благоприятного впечатления от грамотно проведенных соискателем ученой степени научных изысканий.

Диссертационное сочинение лишено реферативности, **написано автором самостоятельно**, вне всякий сомнений **обладает внутренним единством** (тезисы и выводы взаимосвязаны, стержневые идеи не «искажаются» при освещении частных вопросов и т.д.), содержит целый ряд новых научных результатов и положений, выдвигаемых для публичной защиты (при этом даются рекомендации по использованию научных выводов, прежде всего, в законотворчестве, судебной и иной правоприменительной практике), и свидетельствует о **личном** (творческом) **вкладе автора в науку** гражданского, предпринимательского и корпоративного права. Предложенные автором решения, имеющие теоретическую и практическую значимость, хорошо аргументированы (обоснованы) и оценены по сравнению с другими известными решениями. Научный аппарат работы – достаточен, стиль написания – научный, источниковая база – многолика, обильна и репрезентативна.

Основные научные результаты диссертации получили должное отражение в публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях из рекомендованного списка.

Таким образом, по результатам изучения диссертации (в виде рукописи), автореферата диссертации и опубликованных работ по теме диссертации можно утверждать, что ***диссертация*** на тему «Опционные сделки с долями в уставном капитале и акциями хозяйственных обществ (правовые аспекты)», будучи научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития цивилистических наук, и изложены новые научно обоснованные решения и разработки, имеющие существенное

значение для законотворчества и правоприменения, в полной мере ***соответствует критериям, установленным к кандидатским диссертациям в разделе II Положения о присуждении ученых степеней*** (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор – ***Мурдалов Дени Русланович – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук*** по научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Официальный оппонент:
кандидат юридических наук
(по специальности 12.00.03), доцент,
доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»
(Самарский университет)
(почтовый адрес организации – 443086,
г. Самара, Московское шоссе, д. 34;
телефон – (846) 335-18-26, (846) 267-43-70;
адрес электронной почты – ssau@ssau.ru)

Поваров
Юрий Сергеевич

«13» 05 2026 года

Подпись Поварова Ю.С. удостоверяю.
Начальник отдела сопровождения деятельности
ученых советов Самарского университета
Бояркина
Бояркина У.В.
«13» 05 2026 г.